

Глава 20

"Что, настолько серьезно?"

Удивленная невестка выслушала объяснение герцогини:

"Подумай сама. Ведь она может стать принцессой. К тому же, герцог настолько её любит, что отдал ей вещи своей единственной дочери".

"О, боже... Да, конечно".

Графиня тоже согласилась.

"Мы должны хорошо объяснить герцогу, что это была ошибка Ланистеров, а не его".

"Верно. И Мэриэнн, эта наглая девчонка, тоже должна получить по заслугам. Исключение из сестринства - это ещё не наказание".

Лицо Илашии, слушавшей разговор, посерело.

Она хорошо понимала, насколько позорным и страшным будет исключение из сестринства ещё до официального дебюта.

"И это считается недостаточным наказанием... Мэриэнн натворила слишком много".

В тот момент, когда Лилиен потеряла сознание...

Седрик в это время находился с инспекцией в Кантакуне - имперской провинции под прямым управлением императора.

Острова Кантакун, расположенные на крайнем юге империи, были собственностью императорского дома.

Формально все дворяне империи приносили присягу верности императору.

Однако это не означало, что они считают друг друга союзниками.

Кроме императора, местные правители могли в любой момент развязать между собой войну. Иногда число семи великих герцогств сокращалось до шести.

Из-за частых войн экономика приходила в упадок, а территории опустошались. Не в силах это вынести, императорский двор стал активно продвигать Кантакун в качестве нейтральной зоны и рекомендовать заключение перемирий.

"Если уж сражаться, то лучше словесными баталиями!"

Если враждующие стороны соглашались вести переговоры на нейтральной территории, император лично гарантировал их безопасность и выступал посредником.

Он даже ставил императорскую печать на достигнутые договоренности.

Эти соглашения обычно выглядели так:

[Граф Такой-то, друг императора, и герцог Такой-то, защитник императора, пришли к джентльменскому соглашению, что император удостоверяет].

[Император удостоверяет честность и непорочность рыцаря Такого-то].

[Император признает законность правления барона Такого-то].

За подпись и печать на роскошном соглашении, инкрустированном золотом, стороны получали документ в бархатном футляре вместе с золотым пером с императорской гравировкой.

Попросту говоря, это был чистый заработок на пустом месте.

Хотя на самом деле это была почти откровенная афера, тщеславные аристократы с удовольствием на это велись.

Они то и дело обращались к императору за разрешением малейших конфликтов. И со временем пришли к естественному признанию власти императорского дома.

Это был настоящий двойной выигрыш.

Двор не остановился на достигнутом и начал развивать Кантакун как курортную зону, куда стекались знатные гости.

Раз уж вы собрались сюда для переговоров, отдохните в прекрасном месте, полюбуйтесь красотами, отведайте изысканных яств и успокойте душу... но заплатите за это.

В итоге, даже без особых поводов для переговоров, аристократы стали приезжать на острова ради демонстрации своего богатства. И теперь Кантакун круглый год кишел знатью.

Это была настоящая курица, несущая золотые яйца. Однако настроение Седрика, оказавшегося внутри этой курицы, было напряжённым.

Очень напряжённым.

"Вы выглядите расстроенным, Ваше Высочество".

В библиотеке особняка Исларов на Кантакуне Седрик хмыкнул и испепеляюще посмотрел в окно.

"Двор императора".

"Точнее, двор, которым он ещё не вполне овладел".

Нынешний император захватил трон, убив своего брата. Но ему не удалось устранить наследного принца.

Более того, в столице даже ходили возмутительные слухи о том, что он собирается вступить в брак со своей невесткой!

"Итак, получается вот что?"

Нелегитимное воцарение без видимых на то оснований.

Выживший законный наследник.

Репутация, опустившаяся ниже плинтуса!

Позиции нового императора крайне шатки, и укрепление власти требует колоссальных усилий.

"Так это и была причина, по которой вы собрали здесь встречу?"

Так сторонники императорского наследника демонстративно провели в Кантакуне важное совещание.

Выражение лица Седрика, присутствовавшего на этом совещании, сейчас было очень недовольным.

"Я не смог как следует позаботиться о дебюте Лилиен в сестринстве".

"Да, именно поэтому вы купили для неё столько подарков".

"А сейчас я думаю, что этого недостаточно".

"Но то, что вы уже подарили, равняется приданому обычной графской дочери".

"Лилиен - не графская дочь, а дочь герцога".

Перед абсурдностью доводов Аллен предпочёл сдаться.

И в этот момент...

Тук-тук.

"Мой лорд, сэр Дункель. Из родового поместья прибыла срочная депеша".

Голос рыцаря, вежливо постучавшегося, был полон напряжения.

"Чёрного цвета".

"Что?!"

В Турине цвет перевязи на лапке почтового сокола обозначал степень срочности послания. Чёрный означал экстренное сообщение, требующее немедленного прочтения и ответа.

"Дайте сюда".

"Слушаюсь!"

Пальцы Седрика торопливо развернули плотно свёрнутый свиток.

'Что такое?'

По мере чтения лицо Седрика всё больше мрачнело и каменело.

И это была не просто мимика. Чувствовалась опасная аура.

Опираясь на богатый опыт, Аллен без труда уловил, что его лорда охватила ярость.

"Мой лорд?"

"Возвращаемся".

Сняв письмо, Седрик вскочил со стула.

Аллен поднял скомканный лист и развернул его.

Знакомым почерком матери там было написано:

[Его светлости, левому верховному герцогу Турина, моё почтение. Пишу кратко, поскольку дело срочное. Во время дебюта в сестринстве дочь моя потеряла сознание. Слышала, одна из присутствовавших благородных девиц проявила крайнюю грубость. Думаю, потребуется ваше вмешательство. К тому же доктор сказал, что состояние дочери весьма тревожно. Умоляю вернуться срочно. Леди Хейворс с поклоном].

Верный рыцарь сэра Дункель скакал, сильно напряжённый.

После того, как несколько часов назад в поместье прибыла чёрная срочная депеша, поведение лорда стало странным.

"Похоже, он очень разгневан и спешит... Неужели родовое поместье подверглось нападению или произошла какая-то иная чрезвычайная ситуация?"

"Судя по тому, что по пути мы встретили купцов, вроде бы нет... Но у него определённо есть на то причины".

Дункель отбросил сложные размышления. Он был рыцарем, а не философом.

"Скоро въезд в Мадо туннель!"

"Передайте, чтобы набрали скорость".

"Есть!"

"Ускоряемся!"

"Скачем!"

К счастью или несчастью, между Турином и Кантакуном был Мадо туннель.

Этот туннель, построенный в эпоху Мадо, позволял преодолеть расстояние, на которое обычно уходило две недели, всего за несколько часов.

По сути, именно из-за этого туннеля Турин всегда оставался уязвим для имперского вторжения.

Это было одной из причин, по которым Турин не объявлял войну даже после гибели герцога.

"Это лишило лорда возможности отомстить...!"

Сэра Дункеля ужасно раздражало существование этого туннеля.

Даже если отбросить различные обиды и претензии, один только факт наличия прохода, по которому имперская армия может явиться к родовому замку в течение двух часов, вызывал мурашки.

"Говорят, что даже дерьмо может пригодиться как лекарство, так что, может, на этот раз проклятый туннель и сыграет нам на руку... Но лучше бы его не было вовсе".

Проблема в том, что это сооружение эпохи Мадо, и в наше время мы попросту не располагаем средствами для его разрушения.

Если простой рыцарь испытывает такое смятение, то каковы же чувства лорда?

Дункель искоса взглянул на спину скачущего впереди юного хозяина.

В отличие от него, Седрик, похоже, совершенно не мучился лишними мыслями и был полностью сосредоточен лишь на том, чтобы погонять лошадей.

Так молча, без остановки, их небольшой отряд мчался уже около двух часов. Как только они выехали за внешние ворота Турина, Седрик торопливо отдал приказ о разоружении подчинённым рыцарям и как вихрь исчез в сторону внутреннего замка.

"Что же могло произойти...?" - Дункель невольно пробормотал это вслух.

Разбравший вещи рядом Аллен ответил:

"Дело касается миледи".

"А, понятно".

Преданность Седрика своей младшей сестре уже была широко известна во всём Турине.

Любимая им сестра во время своего дебюта - одного из важнейших событий в жизни благородной девицы - подверглась серьёзному оскорблению.

"И после этого даже потеряла сознание".

Сам Аллен тоже был в ярости, так что гнев Седрика, должно быть, выходил за все мыслимые пределы.

По замку поползли тревожные слухи. Только что Лилиен наконец пришла в себя после потери сознания в поместье графа Ланистера, как, вернувшись домой, тут же снова лишилась чувств.

Больше всего упрекала себя леди Хейворс:

"Это всё моя вина".

Она с укором вспоминала, что недавно не обратила внимания на то, что Лилиен стала плохо спать и жаловаться на слабость, а также ковырялась в еде.

<http://tl.rulate.ru/book/49031/3610592>